

Глава 34

— Что случилось? Почему ты так на меня смотришь?

Лу Циньянь первым подал реплику, строго следуя сценарию. Их взгляды встретились и замерли.

— Просто я думаю... — заговорил Вэнь Цзюэ. — С каких это пор Линь Еци стал таким? От воды отказывается, яблоки не ест... Чего же ты тогда хочешь? Скажи, я мигом всё куплю.

Он уже собрался встать и выйти, но Лу Циньянь едва заметно покачал головой.

— Я ничего не хочу. Ни еды, ни питья. Просто посиди со мной. Давай немного поболтаем.

Вэнь Цзюэ на мгновение задумался, затем понимающе улыбнулся и снова сел.

— Хорошо, давай поговорим. Мы и вправду давно не сидели вот так, с глазу на глаз.

— Да, я знаю...

Лу Циньянь опустил голову, и голос его затих, словно он вспомнил о чём-то невыносимо печальном.

Вэнь Цзюэ понимал: сейчас его персонажу нельзя позволять проваливаться в пучину уныния, а тем более — в такую безнадежную меланхолию. Он решил разрядить обстановку.

— Знаешь, что принёс Сяо Чжан, когда заходил к тебе вчера?

— И что же?

Прежде чем задать этот вопрос, Лу Циньянь мельком оглядел тумбочку у кровати. В поле зрения попали стакан воды, пара яблок и маленькая прозрачная вазочка, в которой красовалась единственная роза. Она была в самом цвету.

Больше на тумбочке ничего не было. А уж что там припрятано под кроватью — проверить он не мог.

— Видишь эту розу? — Вэнь Цзюэ знал, что Циньянь ни за что не догадается. — Это его подарок.

Он понимал: даже если Лу и заметил цветок, он вряд ли сообразил бы, что роза не принадлежит больнице и уж точно не растёт в палатах.

— И зачем он это купил? — недоуменно спросил Лу Циньянь, снова глядя на алый бутон.

— Рассказывал, что шёл по улице, и его вдруг кто-то схватил за руку. Умоляли купить цветок для любимой девушки. Бедняга вытащил деньги, расплатился и только тогда осознал одну маленькую проблему...

Вэнь Цзюэ замолчал, выдерживая паузу. Они переглянулись и в один голос закончили фразу:

— У него же нет девушки!

— Вот именно! — рассмеялся Вэнь Цзюэ. — Раз уж купил, решил принести тебе.

Как он и ожидал, к ним с Линь Еци вернулось прежнее взаимопонимание.

Разумеется, Киноимператор не стал признаваться, что этот цветок не имеет к их общему знакомому ни малейшего отношения. Сяо Чжан тут был ни при чём.

Вэнь Цзюэ придумал эту историю, чтобы подбодрить парня, лежащего на больничной койке. Ему было неловко раскрыть истинные причины покупки. Эту розу он сам заметил у уличной торговки по дороге в госпиталь.

Почему он выбрал именно её? Потому что она цвела так неистово, а её лепестки горели таким ярко-красным цветом, что она казалась самым воплощением торжествующей жизни.

А почему он купил всего одну? Потому что каждая роза — это самостоятельная личность, уникальная и неповторимая. Совсем как Линь Еци.

— Этот Сяо Чжан такой недотёпа... Но всё-таки он милашка, — с облегчением произнёс Лу Циньянь.

Вэнь Цзюэ невольно улыбнулся и едва слышно добавил:

— Ты тоже довольно милый.

Первая фраза принадлежала герою и была прописана в сценарии от и до. А вот вторая... вторая была чистой импровизацией.

Лу Циньянь поначалу не разобрал слов. Он замер на полсекунды, а потом и вовсе впал в

ступор.

— Учитель Вэнь, что вы сейчас сказали?

Он точно помнил, что после его реплики в сценарии стоял прочерк. Откуда Вэнь Цзюэ взял это «милый»?

Пока Лу Циньянь в полном замешательстве лихорадочно листал страницы, пытаясь найти пропущенную строчку, Вэнь Цзюэ, разгадавший его маневр, слегка изменил тон и повторил:

— Я говорю: ты тоже тот ещё бестолковый дурачок.

— Это я-то дурачок?!

Лу Циньянь сначала опешил, а затем почувствовал, как внутри закипает ярость. Он с трудом сдержался, чтобы не взорваться на месте.

Слово «бестолковый» мгновенно воскресило в памяти то злополучное интервью Вэнь Цзюэ. Что там было? «Стал немного глупеньким»? «Маленькая глупая кошка»?..

Да это сам Вэнь Цзюэ — форменный дурак! Заявлять такое в лицо, ни в грош не ставя чужое достоинство... Если это не глупость, то что тогда?

Циньянь в сердцах стиснул зубы. Гнев захлёстывал его, и если бы Вэнь Цзюэ добавил хоть слово, он бы точно сорвался.

— О, неужели наша кошка вздыбила шерсть?

Вэнь Цзюэ заметил, как Лу Циньянь сжал кулак на одеяле так, что побелели костяшки. Он покосился на тонкую трубку капельницы и негромко рассмеялся. Будь инфузия настоящей, при таком усилии кровь давно бы пошла обратно в систему. Но сейчас, в декорациях, это выглядело просто забавно.

— Ничего я не вздыбил! — буркнул Лу Циньянь, тут же испуганно разжимая пальцы. Он постарался придать голосу максимально беззаботный тон.

«Найти второго такого труса в этом мире будет непросто», — подумал он про себя и тяжело вздохнул.

То злится, то вздыхает, но так и не решается на словесную атаку... Вэнь Цзюэ уже не знал, как его называть. Парень действительно казался ему немного нескладным, но от этого —

бесконечно очаровательным.

— Ладно, — примирительно кивнул Вэнь Цзюэ. — Не вздыбил, так не вздыбил.

Услышав это, Лу Циньянь даже не сумел скрыть изумления. Чтобы великий Киноимператор пошёл на попятную? Сдался без боя?

Неужели он не ослышался?

Впрочем, Циньянь быстро взял себя в руки и нацепил маску ледяного спокойствия.

— Ну и ладно. Я не собираюсь с вами спорить. Говорите что хотите, я всё равно пропущу это мимо ушей.

— Пропустишь мимо ушей?.. — Вэнь Цзюэ задумчиво повторил его слова, словно пробуя их на вкус. — А ты уверен, что сможешь?

Это не было вопросом. Скорее — утверждением очевидного.

Лу Циньянь не ответил. Он опустил глаза, всерьёз задумавшись. Действительно, если Вэнь Цзюэ что-то скажет, сделать вид, будто ничего не произошло, будет... ох как непросто.

Да чего уж там — невозможно.

Как и в прошлый раз: он клялся себе не обращать внимания, и чем всё закончилось?

— Вэнь Цзюэ, Сяо Лу, вы как там? Готовы? — подошедший режиссёр Фань бесцеремонно прервал его размышления.

Лу Циньянь вскинул голову, собираясь ответить, но Вэнь Цзюэ опередил его:

— Режиссёр, мы как раз прогнали сцену. Получается отлично.

— Вот как? Ну что, тогда начинаем съёмку?

Фань Вэнь во все глаза смотрел на Лу Циньяня. Тот прекрасно понимал почему: за Вэнь Цзюэ режиссёр был спокоен как за каменную стену, а вот его кандидатура всё ещё вызывала опасения. И, надо признать, небезосновательно.

Эту мысль Циньянь вдавливал себе в голову ежедневно. Когда-нибудь он перестанет

заниматься таким самовнушением — и это будет значить, что либо он привык к давлению, либо Фань Вэнь наконец признал его мастерство. Признал так же безоговорочно, как талант Вэнь Цзюэ.

Кстати, о самом Вэнь Цзюэ... Лу Циньянь вдруг поймал себя на мысли, что до сих пор не видел ни одной его работы целиком. Весь его опыт ограничивался тем, что он наблюдал здесь, на площадке.

«Но я и не стану смотреть его фильмы. Никогда. Ни за что».

— Я готов, режиссёр. Можно начинать.

— Хорошо. По местам!

В глазах Лу Циньяня Фань Вэнь заметил азартный блеск. Режиссёру нравилось видеть эту уверенность в молодых актёрах — она мгновенно поднимала ему настроение. Он тут же скомандовал группам занять позиции.

Лу Циньянь больше не заговаривал с Вэнь Цзюэ. Он взял сценарий, ещё раз пробежал глазами реплики, добиваясь нужной концентрации, и вошёл в образ.

Как и ожидалось, если на репетиции он был хорош, то под прицелом камер превзошёл самого себя. Следующие несколько сцен были сняты с пугающей лёгкостью и идеальной точностью.

Сам Лу Циньянь не искал похвалы — он просто старался выложиться на сто процентов, и успех делал его по-настоящему счастливым.

В обеденный перерыв, пока все отдыхали перед дневной сменой, Лу Циньянь не выпускал сценарий из рук.

Лао Ван, наблюдавший за ним со стороны, отметил про себя перемены. За последние дни его подопечный почти перестал зависать в телефоне — это было поразительно.

Раньше Циньянь при любой возможности утыкался в экран, строчил кому-то сообщения с загадочным видом и упорно молчал, когда его спрашивали о собеседнике. А теперь — ни звонков, ни переписок.

— Лао Ван, глянь вот сюда.

Погружённый в свои мысли Ван Цзяи едва не подпрыгнул от неожиданности. Циньянь указывал на фрагмент текста, который они снимали ещё утром.

— Это же утренняя сцена. Почему ты не учишь то, что будем снимать после обеда? — удивился менеджер.

— Я в курсе. Просто перечитываю пройденное. Знаешь, чем больше я смотрю на этого Чу Фаня, тем больше он мне нравится. В нём есть глубина.

— И в чём же она? — Лао Ван заглянул в сценарий, но не увидел там ничего, кроме обычных диалогов.

— Тебе не кажется, что Чу Фань — невероятный романтик?

Лао Ван перевёл взгляд с актёра на текст, потом обратно, и снова на текст. Наконец он решился спросить:

— И где же тут романтика?

— Неужели не видишь? Он купил Линь Еци алую розу. Для него этот цветок — символ жизни, такой же яркой и неповторимой. Разве это не поэтично?

Лу Циньянь искренне удивлялся слепоте друга. Впрочем, ответ был очевиден: Лао Ван — человек приземлённый и в романтике смыслит не больше, чем овца в каллиграфии.

— Какая ещё романтика... По-моему, у тебя просто крыша поехала от переутомления, — проворчал менеджер, не желая сдаваться. — Нашёл тоже сравнение для жизни — розу. Ну цветёт она сейчас, и что? Через пару дней завянет и только.

— Эй, полегче! Что за дурные приметы? «Завянет»... Ты зачем человека хоронишь раньше времени? Это же сценарист написал, у него и спрашивай, раз такой умный.

Лу Циньянь не злился, скорее — поддразнивал Лао Вана, намеренно повысив голос.

— Спрашивать у сценариста? Ну уж нет, я не самоубийца, — Лао Ван ощутимо хлопнул его по колену, призывая к порядку. — И нечего на меня наговаривать, Сяо Янь-цзы. Никого я не критиковал.

Лу Циньянь промолчал, лишь состроил такую физиономию, на которой так и читалось: «Клевету и буду клеветать, и что ты мне сделаешь?».

Лао Вану очень хотелось дать ему подзатыльник, но он сдержался. В конце концов, портить такой ценный — и такой дорогой — фасад было накладно.

Ему за это просто не расплатиться.

<http://bllate.org/book/17547/1714658>